

**А. В. Борисенкова,
Л. А. Сугай**

Европа и Россия в историко-культурных воззрениях Н. В. Гоголя

*В*опрос о Гоголе-историке уже не раз поднимался в литературе. Многие его современники считали, что гениальный писатель был плохим историком, иронизировали над профессорским эпизодом в его жизни. Критики упрекали Гоголя в историческом дилетантизме и даже в хлестаковщине, памятуя о его нереализованных заявках написать и «Всеобщую историю», которой «не только на Руси, но даже и в Европе, нет» (X, 290), и «Историю Малороссии» – «всю от начала до конца <...> в шести малых, или в четырех больших томах» (X, 297). Мемуаристы и биографы писателя оправдывали его неудачу на педагогическом поприще тем, что «его художническая природа мешала постоянно той пассивной деятельности, которая нужна для обогащения себя сведениями»¹.

Предпринятую С. А. Венгеровым реабилитацию Гоголя как историка, начатую в 1902 г. его очерком², одни коллеги (как, например, А. Н. Пыпин) резко отвергали, другие же (как Д. Н. Овсяннико-Куликовский) активно поддерживали. Когда Венгеров последовательно доказывал, «что отношение Гоголя к истории было очень углубленное и всего менее говорит о дилетантизме»³, ярый «гоголеборец» В. В. Розанов в «Опавших листьях» ядовито писал: «Очень хорош был, как профессор. Подвязывал щеку и говорил, что зубы болят, не зная, как читать и о чем читать. Зачем ему надо-то было в профессоры»⁴.

Критика в адрес не только научно-исторических работ Гоголя, но и его теоретических воззрений в целом продолжала звучать и в России, и за рубежом. Чешский философ, политик Томаш Гарриг Масарик

в книге «*Rusko a Evropa / Россия и Европа*» (1-е изд. Praha, 1919–1921) утверждал, что Гоголь «вообще не был философом, вообще не был поэтом-мыслителем, как современные европейские и русские поэты». Сравнивая Гоголя с Шиллером, Масарик продолжал: «Друзьям Гоголя удалось устроить его в Петербурге на профессорскую кафедру – однако какое различие между профессором Гоголем и профессором Шиллером! Но, хотя и Шиллер не был профессором истории в истинном смысле этого слова, всё же он был историком, разбирался в истории, о чем свидетельствуют его драмы; помимо того, Шиллер был философом, мыслителем – Гоголь же удовлетворился тем образованием, которое получил в тогдашней провинциальной гимназии, и позднее никогда не занимался подробнее каким-либо мыслителем»⁵.

В советском литературоведении (Б. В. Томашевский, Л. Н. Степанов, С. И. Машинский, Л. В. Черепнин и др.) вопрос о некомпетентности, необразованности Гоголя был, казалось, полностью закрыт, критика же направлялась на идеалистические взгляды Гоголя-историка. В конце XX – начале XXI веков, когда исчез идеологический диктат «единственно верной теории», гоголеведы активно обратились к осмыслению религиозно-философского наследия писателя, его теоретическим работам, и вновь был остро поставлен вопрос о Гоголе-историке. Так, И. А. Виноградов констатирует: «В исследовательской литературе <...> до сих пор не уделяется должного внимания тому обстоятельству, что Гоголь был не только глубоким религиозным мыслителем и художником, верным наблюдателем быта и тонким знатоком человеческой души, но и оригинальным, глубоким историком»⁶.

Гоголь действительно был *глубоким историком*, но отнюдь не в традиционном узкоспециальном смысле данного слова. Мыслитель, художник, наблюдатель быта, историк – все эти ипостаси творческой личности в их единстве символист Андрей Белый считал обязательными составляющими *культуролога*. Именно он ввел данное слово в русский лексикон и определил *задачи культуролога* задолго до американского антрополога Лесли Уайта⁷. По определению А. Белого, «культуролог должен схватывать целое многообразия проявлений культуры; он должен и видеть и слышать в стремительных переплетениях линий культуры – то целое, которое не отойдет в понятие о нем. Потому-то подлинными философами культуры были те люди, в которых существовало сплетение редко сплетаемых линий: поэзии, философии, истории, этнографии; собственно: и не было философов культуры в обычно понимаемом смысле»⁸.

Культурология в трактовке А. Белого не равна науке о культуре: «Понятие о культуре необыкновенно сложно, и оно невыговариваемо в терминах той или иной науки. Культура не имеет прямого отношения ни к какой науке: научными понятиями (рассудочно) не построишь идей культуры никак»⁹. Культурология – это синтез наук и искусств, к которому стремились символисты, это поэзия, история, философия, этнография в своем неразложимом на составляющие единстве, это та область Духа,

где слиты научное и художественное творчество, познание и провиденье, Логос и поэтические прозрения. Но из всех *редко сплетаемых линий*, составляющих понятие «культуролог», на первое место А. Белый поставил *поэзию*. Знаменательно, что характеристика, данная им культурологу, перекликается с той, какую Н. В. Гоголь адресовал *великим поэтам*, «которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли в минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народом. Они, – заключал Гоголь, – великие жрецы» (статья «Ал-Мамун»; VIII, 78).

Только Поэт, наделенный художественной интуицией и талантом творца, преодолевает временные и пространственные границы, способен вместить в себя культурное прошлое и предугадать будущее. И не случайно Гоголь – поэт, историк, религиозный философ и этнограф – являлся для А. Белого блестящим примером *культуролога*.

Отстаивая в свое время имя Гоголя – педагога и ученого, С. А. Венгеров рассматривал великого писателя вне связи с его художественным творчеством. Перечисляя области знаний, привлекавшие Гоголя (заметим, те самые, которые составляют, по А. Белому, облик культуролога), о художнике слова Венгеров при этом не говорит: «Важно только подчеркнуть, что научные интересы Гоголя не были случайны ни в одной из тех областей знания, к которым он так или иначе причастен. Вопросы истории, географии, этнографии и фольклора волновали его с первых же проблесков его сознательного отношения к науке»¹⁰.

Разделять историка и писателя, ученого и поэта, философа и собирателя народных песен, вычленять из авторского «я» какую-либо ипостась творческой личности – значит не понимать феномен Гоголя. Символист Андрей Белый отмечал, что тот «имел дар сочетать формулу с краской так, как никто; его глаз находил точку золотого деления меж воображением и научной фиксацией; в своем наблюдении и описании он был ученый художник», ибо «свои потенции к научности он эксплуатировал в образе, а богатства кисти готов был превратить в средство передавать данные истории и этнографии»¹¹.

Осмыслить исторические взгляды Гоголя, в частности, на европейскую историю правомерно как культурологические воззрения, как концепцию культуролога (в том изначальном российском значении слова, а не в понимании вчерашних «обществоведов», перекавалифицировавшихся в «культурологов»). Теоретическое и художественное осмысление, отражение исторической проблематики в гоголевских произведениях – единый и нерасторжимый творческий процесс. «Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя, – сообщает Гоголь в письме к М. П. Погодину 14 января 1834 г. – Мне попрекают, что слог в ней уже слишком горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» (X, 293). В статье «О преподавании всеобщей истории» он проводит ту же мысль: «Слог профессора должен быть увлекательный, огненный»; «Каждая лекция профессора непременно

но должна иметь целость и казаться оконченной, чтоб в уме слушателей она представлялась стройною *поэмою...*» (VIII, 28, 30, курсив наш. – А. Б., Л. С.).

Показательно, что, характеризуя Миллера как философа-законодателя, Шлецера – как философа-критика и ставя выше их Гердера как поэта, Гоголь мечтает об идеальном универсальном историке, для чьего появления мало даже соединить основные достоинства названных *великих зодчих всеобщей истории*. «Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю. Но при всем том ему бы еще много кое-чего недоставало: ему бы недоставало высокого драматического искусства, которого не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера» (VIII, 89). Помимо увлекательности и интереса, «который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера», Гоголь присоединил бы еще «занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, – заключает автор статьи “Шлецер, Миллер и Гердер”, – мне кажется, составилась такой историк, какого требует всеобщая история» (Там же).

Итак, художественный талант, литературный дар – вот что является, по Гоголю, неотъемлемым качеством историка. Универсальность историка (теперь мы сказали бы: культуролога) побуждает его к глобальным, всеобъемлющим проектам и порождает неудовлетворенность своей работой. 20 февраля 1833 г. Гоголь признается в письме к М. П. Погодину: «Едва начинаю, и что-нибудь совершу из Ист<ории>, уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромнее объема, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую» (X, 262).

Гоголь стремится рассмотреть весь мировой исторический процесс в его масштабности, понять, что есть история и каков ее предмет. «Предмет ее велик: она должна обнять вдруг и в полной картине всё человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовало, и наконец достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями: вот цель всеобщей истории! Она должна собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое, из них составить одну величественную полную поэму» (VIII, 26).

Гоголевское «Рассмотрение хода просвещения России» отлично от славянофильских взглядов. Гоголь не отрицает положительного начала Петровских реформ: «Петр открыл ход русским в Европу просвещенную, развитую, получившую гражданствен<ность>. Он сделал пользу: бери

и забирай всё лучшее, что там ни есть [Пополняй чего] готовое, пополняй чего не достает» (VII, 389). Беда России не в том, что обратилась к Европе, а в том, что «русской народ невоздержан. Он перешел границы всего и впал в крайность. Жадно он схватился за всё, что нужно и не нужно. Втянувшись в разветвления роскоши и бесчисленную мелочь, позабыл совершенно то, что есть в своей земле...» (Там же). Гоголь осуждает «страсть к обезьянству» (VII, 390) и напоминает, что «Европа развилась оттого так, что развилась из своих начал. Россия должна была развиваться из своих начал» (VII, 389).

Еще более резко, чем в процитированных выше «Записных книжках» писателя, проблема отношения России к Европе поставлена в повести «Рим». В начале путешествия главный герой повести восхищается европейскими городами: «Вот он, Париж, это вечное, волнующееся жерло, водомет, мечущий искры новостей, просвещения, мод, изысканного вкуса и мелких, но сильных законов, от которых не властны оторваться и сами порицатели их, великая выставка всего, что производит мастерство, художество и всякий талант, скрытый в невидных углах Европы, трепет и любимая мечта двадцатилетнего человека, размен и ярмарка Европы!» (III, 222–223). Автор передает восторг своего героя: «Нет лучшего места, как Париж; ни за что не променял бы он такой жизни. Как весело и любо жить в самом сердце Европы, где, идя, поднимаешься выше, чувствуешь, что член великого всемирного общества!» (III, 226). Но по прошествии четырех лет очарование сменяет разочарование: «Тот же Париж, вечно влекущий к себе иностранцев, вечная страсть парижан, уже показался ему много, много не тем, чем был прежде. Он видел, как вся эта многосторонность и деятельность его жизни исчезала без выводов и плодотворных душевных осадков. В движении вечного его кипенья и деятельности виделась теперь ему странная недеятельность. Страшное царство слов вместо дел» (III, 227).

Гоголь раскрывает пагубность европейского мира материальных благ, осознает ущербность потребительской цивилизации.

Россия, в отличие от Европы, жива и должна поддерживаться духом Православия, в единении Церкви и народа видел Гоголь спасительный путь страны. Но пока Россия не раскрыла во всей полноте всего того, к чему зовет Православие. По Гоголю, России следует брать все лучшее, что есть у других народов, пополнять готовое, чего недостает ей самой – и в гражданском устройстве, и в просвещении, и в практических делах. Но народ должен сохранять свою самобытность. «На Европу нужно было глядеть не породнившись, не обессилев. Если дом уже состроен по одному плану, нельзя ломать его. Можно украш^{ения} убрать, отлично отделать всякой уголок по-европейски. Но ломать капитальные стены строения – это нелепость, это почти то же, что поправлять дело рук Божиих» (VII, 389).

Принцип единства природы и исторического бытия народа был, несомненно, близок Гоголю. Характер народа глубоко обусловлен географией его родины, и даже формы правления предписываются характером мест-

ности. Историческое развитие для Гоголя – это процесс борьбы человечества с природой. Здесь мы можем найти сходство с идеями И. Г. Гердера.

Гоголь видел особую роль России как стабилизирующего фактора Европы. Россию и Европу писатель представляет двумя половинками одного целого, и обе эти половинки не отрицают, а дополняют друг друга при условии равноправных отношений. Европа больше заботится о материальном прогрессе, но в ущерб духовной стороне жизни. Россия превыше всего ставит заботу о духовном обустройстве общества.

Тема Украины также занимает особое место в историко-культурной концепции писателя. Мысль Гердера о «новой Греции» – Украине¹² очень импонировала Гоголю. Он берется за создание истории Украины, желая показать ее роль в мировом процессе. В 1833 г. он пишет Максимовичу: «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история» (X, 284).

Огромное значение для постижения сущности исторических событий придавал Гоголь народному эпосу – в частности, украинским историческим песням. «Историк, – писал он, – не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихи характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» (VIII, 91). Гоголь ставил песни выше всех летописей и научных трудов: «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа <...> Они – надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью – ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи» (VIII, 90–91).

Подобный подход к историческому материалу еще раз свидетельствует о методологии культуролога – поэта и этнографа, философа и историка. Важно отметить, что Украину (Малороссию) он называет «цветущей частью России» (VIII, 91), и это принципиальное положение его историко-поэтической концепции. Из рассказа Г. П. Данилевского нам известно о споре Гоголя с профессором О. М. Бодянским о русском языке, о Шевченко, славянах и поэзии. «Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение, одной в ущерб другой, невозможно. Нет... не то нам нужно, не то. Всякий, пишущий теперь, должен думать не о розни; он должен прежде всего поставить себя перед лицом того, кто дал нам вечное человеческое слово...»¹³ – эти гоголевские слова звучат в наши дни как пророчество и заклинание.

Обращение к Высшему Судии, выходы за границы национальные к общечеловеческим категориям и вечным ценностям так и не были поня-

ты и вообще услышаны оппонентом Гоголя, как не были услышаны многими современниками призывы, прозвучавшие со страниц «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847), которые следует интерпретировать как историю борьбы человечества со своими пороками в ожидании Светлого Воскресения: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее – и праздник светлого воскресенья воспроднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов! <...> Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” – вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это» (VIII, 417).

Поэт, историк, философ-христианин Гоголь пророчествует: «Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: “У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспроднуется светлое воскресенье Христово”» (VIII, 418).

«Таков путь Гоголя: от малой родины к родине великой, всеохватной и от нее – к родине Небесной. Потому-то он представлял себе Россию как храм, как монастырь: “Монастырь ваш – Россия!” (VIII, 301)»¹⁴.

Примечания

¹ <Кулиш П. А.> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб., 1856. Т. I. С. 103.

² Первоначально очерк С. А. Венгерова «Писатель-гражданин» публиковался в журнале «Русское Богатство» (1902. № 1–4).

³ Венгеров С. А. Писатель-гражданин // Венгеров С. А. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1911–1913. Т. II. С. 152.

⁴ Розанов В. В. О себе и жизни своей: Уединенное. Смертное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. М., 1990. С. 432.

⁵ Масарик Т. Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России: В 3 т. СПб., 2003. Т. III. Кн. III. Ч. 2–3. С. 265–266.

⁶ Виноградов И. А. Гоголь – историк и наблюдатель быта (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Юбилейные Гоголевские чтения: Мат-лы докл. М., 2010. С. 120.

⁷ См. подробнее: Сугай Л. А. Идея культуры и задачи культуролога в концепции Андрея Белого // Русская художественная культура первой трети XX века: Проблемы межвидовой поэтики. Киров, 2001. С. 8–17. («Культурологические штудии». Вып. 2).

⁸ Белый Андрей. Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис: М.; Берлин, 1922. С. 255.

⁹ Белый Андрей. Основы моего мировоззрения // Лит. обозрение. 1995. № 4/5. С. 24.

¹⁰ Венгеров С. А. Указ. соч. С. 146.

¹¹ *Белый Андрей*. Культура краеведческого очерка // Новый мир. 1933. № 3. С. 272.

¹² В «Дневнике моего путешествия» Гердер писал об Украине: «Какое зрелище представят все эти места, если взглянуть на них с Севера и Запада, когда на них снидет наконец дух культуры! Украина станет новой Грецией. Прекрасное небо, простирающееся над этим народом, его веселый нрав, музыкальность, плодородные нивы и т. д. когда-нибудь воспрянут ото сна...» (*Гердер И. Г.* Избр. соч. М.; Л., 1959. С. 324).

¹³ *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л., 1933. С. 472.

¹⁴ *Репонь А.* Гоголь и теория славянского всеединства Яна Коллара // Вестник Российского нового ун-та. Серия «Человек в современном мире». Вып. 3. М., 2015. С. 60.